

СОВЕТСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В ЧЕХОСЛОВАКИИ
П.Н. МОСТОВЕНКО ПРОТИВ ЭМИССАРОВ КОМИНТЕРНА
(ИЮНЬ 1921 года – ФЕВРАЛЬ 1923 года)

© 2020 г. Н.Н. Станков

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

stankov11@yandex.ru

В статье рассматриваются донесения советского представителя в Праге П.Н. Мостовенко в Народный комисариат иностранных дел РСФСР, разоблачающие методы деятельности агентов Коминтерна в период формирования Коммунистической партии Чехословакии, которые привели как к обострению внутривластной борьбы, так и к обвинениям правительством ЧСР Советской России в подстрекательстве леворадикальных элементов и во вмешательстве во внутренние дела. Полпред предложил организовать деятельность Коммунистического интернационала на других принципах, предоставив возможность непосредственно КПЧ и другим компартиям представлять свои интересы в Коминтерне, отказаться от направления комиссаров и финансирования из Москвы. Телеграммы полпреда вызвали межведомственный конфликт Наркоминдела и руководства Коминтерна. Автор статьи предполагает, что настоятельные просьбы Мостовенко извинить полпредство от поручений Коминтерна в конечном итоге привели к его отставке.

The article investigates the dispatches of the Soviet plenipotentiary representative in Prague Pavel N. Mostovenko to the People's commissariat for Foreign Affairs of the Soviet Russia. These documents unmask the activity of the agents of Comintern at the period of the formation of the Communist Party of Czechoslovakia which led to the aggravation of the struggle within the Party and allowed the Czechoslovak government charging the Soviet Russia with instigating the left-wing radicals and interference in internal affairs of Czechoslovakia. Mostovenko offered organising the activity of Comintern basing on quite different principals. He suggested giving the Communist Party of Czechoslovakia and Communist parties of other countries the possibility to represent their own interests in Comintern directly and abandoning the practice of the emissaries and the financing sent from Moscow. The telegrams of the Soviet plenipotentiary resulted in the conflict between the People's Commissariat for Foreign Affairs and the leadership of Comintern. The author presumes that Mostovenko's insistent proposals to exempt Soviet diplomats in Prague of the Comintern commissions led to his resignation from this post.

Ключевые слова: П.Н. Мостовенко, В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Коминтерн, Коммунистическая партия Чехословакии.

Keywords: Pavel N. Mostovenko, V.I. Lenin, G.Y. Zinoviev, Comintern, the Communist Party of Czechoslovakia.

DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8

15 апреля 1921 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял предложение чехословацкого правительства об обмене миссиями для развития торговых отношений. Главой миссии в звании полномочного представителя РСФСР в Чехословацкой республике СНК назначил Павла Николаевича Мостовенко. В мандате, подписанном 27 апреля 1921 г. председателем СНК В.И. Лениным и народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным, подтверждались его полномочия и «подлежащие власти» призывались «оказывать ему зависящее содействие при исполнении возложенных на него обязанностей и предоставить ему пользоваться всеми правами, преимуществами и вольностями, каковые принадлежат его званию» [1. С. 416. Док. 370].

С новоиспеченным полпредом Ленин был знаком давно. В 1899 г. 18-летний уроженец Пермской губернии, потомственный дворянин, сын коллежского асессора П.Н. Мостовенко стал студентом Петербургской военно-медицинской академии и вскоре вступил в основанный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 г. он стал членом РСДРП и в течение всей жизни был последовательным сторонником Ленина. В 1901–1905 гг. молодой революционер неоднократно подвергался арестам. Но и в условиях ссылки в Пермском крае, в Нижнем Новгороде, Ярославле Мостовенко не прекращал партийную деятельность. Во время первой революции в 1905 г. он — член Тверского, а в 1906 г. — Московского комитета РСДРП. В декабре 1905 г. Мостовенко участвовал в I конференции РСДРП в Таммерфорсе, в 1907 г. — делегат V съезда партии. В феврале 1917 г. он принимал активное участие в революции и был избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По поручению ЦК партии большевиков Мостовенко в составе делегации Петроградского совета был направлен на Румынский фронт, где в течение двух месяцев вел агитационную работу среди солдат и местного населения. В конце мая I съезд солдатских депутатов девятой армии избрал его депутатом Учредительного собрания от Румынского фронта. Как делегат от большевиков Румынского фронта Мостовенко участвовал в VI съезде РСДРП, на котором выступление о положении на фронте и настроениях солдат закончил знаменательными словами: «Дальше ждать нельзя!» [2. С. 435–438; 3. С. 60]

После съезда ЦК партии направил его в Москву для усиления революционной агитации среди солдат. В октябре 1917 г. Мостовенко был в числе организаторов восстания в Москве, избран членом военно-революционного комитета, затем председателем Московского совета солдатских депутатов, членом президиума Моссовета. Именно ему 5 ноября собрание полковых, ротных и командных комитетов Московского гарнизона поручило составить и послать приветствие Ленину по случаю победы революции [4. С. 163–164, 166–167].

В 1918 г. Мостовенко на подпольной работе на Украине. В 1919 г. последовало новое партийное поручение: он стал секретарем Уфимского губкома РКП(б) и уполномоченным ВЦИК и ЦК РКП(б) по организации Башкирской АССР [3. С. 60]. В 1921 г. призван на дипломатическую службу: назначен полпредом РСФСР в Литву, а затем в Чехословакию.

14 июня 1921 г. Мостовенко прибыл в Прагу. В числе первоочередных стоял вопрос о судьбе советской миссии Красного Креста, обвиняемой чехословацкими властями в подрывной деятельности против ЧСР. С осени 1920 г. глава миссии С.И. Гиллерсон и ее сотрудники неоднократно подвергались нападкам в прессе. Ознакомившись с положением дел на месте, Мостовенко пришел к выводу о необходимости ликвидации миссии Красного Креста, отзывает почти всех ее служащих в Москву, передаче функций миссии по работе с военнопленными возглавляемой им торговой делегации [5. П. 274. Д. 53929. Л. 39–40].

Виновным в создавшейся ситуации в самой миссии и скандалами вокруг нее Мостовенко считал В. Вишневого, бухгалтера миссии, который, уклоняясь от своих прямых обязанностей и ссылаясь на поручения Коминтерна, развернул активную конспиративную деятельность в ущерб главному предназначению миссии. 18 июня Мостовенко писал Чичерину, что Вишневецкий, «сославшись на полномочия Коминтерна», создал в Праге «что-то вроде самостоятельной от товарища Гиллерсона организации» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 33]. 27 июня полпред сообщил управляющему делами НКВД П.П. Горбунову о проступках «бухгалтера», которые привели к дискредитации миссии и полному провалу самого Вишневого. Полпред писал, что «будет очень досадно, если Москва поведение тов. Вишневого здесь оставит без внимания». «Нужно дать человеку очень большой нагоняй для того, чтобы в будущем обеспечить неповторение им его здешних подвигов, а также, чтобы и другим было неповадно» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 35]. На необходимости наказания Вишневого Мостовенко настаивал и в письме Чичерину: «Моя совесть партийного работника заранее возмущается уверенностью и безнаказанностью тов. Вишневого за то возмутительное нарушение дисциплины, которое он проявил здесь» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 39].

В донесениях в Москву Мостовенко указывал на разоблачения в пражской печати деятельности Вишневого и эмиссаров Коминтерна в Чехословакии М. Ракоши и Д. Алпари, соратников Б. Куна по венгерской революции. В частности полпред обращал внимание Чичерина на статью в газете «Právo lidu» от 9 июля, в которой сообщалось о поездке в Москву с целью информирования руководства Коминтерна и за денежной помощью функционера КПЧ Кучеры, которому Вишневецкий обеспечил нелегальный проезд. В публикации указывалось на ассигнование средств для КПЧ через Ракоши и Алпари [5. П. 274. Д. 53932. Л. 186]. «Разоблачение Кучеры произвело громадное впечатление» [5. П. 274. Д. 53932. Л. 187], – сообщал Мостовенко Чичерину 13 июля.

С начала августа сообщения Мостовенко в Наркоминдел стали еще тревожнее. Причиной послужила беседа с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем, который обвинил советское правительство во вмешательстве во внутренние дела Чехословакии. 4 августа Мостовенко писал Чичерину, что Бенеш сообщил о наличии у него документов о снабжении агентами Коминтерна «чешских деятелей крупными деньгами». Министр также показал Мостовенко комплект печатных материалов и фотографий участников III конгресса Коминтерна, большую пачку фотографий работавших в Москве чехословацких коммунистов и заявил, что «дальнейшее продолжение их вмешательства в русско-чешские дела становится совершенно невыносимым» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 116]. Мостовенко писал Чичерину, что «весь разговор в части, касающейся субсидирования, велся в тоне и с оговорками, убедившими меня, что такие данные действительно имеются» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 116].

После разговора с Бенешем советский представитель навел справки о том, что могло быть известно чехословацким властям, и, по его словам, «результат этих справок оказался очень печальным». «Картина деятельности здесь Алпари, Ракоши и Вишневого заключалась в том, что, обладая громадными суммами денег, они раскидывали их направо и налево с единственной целью откровенного подкупа политических работников», – писал Мостовенко Чичерину. Один из партийных деятелей рассказывал, как в апреле 1921 г. Алпари «всунул» ему 30 000 крон и предложил немедленно ехать в Брно, чтобы выступить перед рабочими с критикой Шмерала. «Деньги Коминтерна откровенно идут не на

те цели, на которые они предназначены, — писал Мостовенко. — Публика, получающая субсидии, открыто тратит их на себя, ведя широкий и размахистый образ жизни» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 117]. Весьма плачевна и судьба полученных из Москвы бриллиантов: часть из них якобы утеряна, а часть «реализована на весьма сомнительных началах». Такая деятельность эмиссаров Коминтерна создала атмосферу взаимных подозрений, грызни в КПЧ. «Разложение в среде работников вносится и с другой стороны: получивши задание от представителя Коминтерна, отдельные люди освобождают себя от всякой зависимости от партии и от ее контроля в соответствующих случаях, ссылаясь на то, что они заняты делами гораздо более важными» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118], — указывал Мостовенко. Он негативно оценил издаваемую в Праге при содействии Вишневого газету «Правда», которую считал «абсолютно никчемной», и к тому же, что еще «гораздо хуже», проводившей «какую-то политическую линию во всяких внутривнутрипартийных делах» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118]. Мостовенко обращал внимание Москвы на то, что условия жизни партийных работников, не имеющих московских субсидий, полунищенские, на «невероятно трудное» положение КПЧ, против которой, по его мнению, готовился «серьезно организованный, сплоченный поход и хотя она действительно, как будто, как партия не воспользовалась ни одной копейкой шальных московских денег, то обстоятельство, что деньги брались отдельными лицами, та грязь, которая накопилась вокруг явно бесконтрольного расходования их, невероятно утяжеляет ее положение» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118—119].

Мостовенко считал, что причиной создавшейся ситуации в КПЧ стал метод работы «через чужих здесь людей, державших в своих руках вместе с большими суммами и возможность механически воздействовать на людей и на дела». Он просил задержать приезд нового представителя ИККИ и считал, что «единственным представителем Коминтерна в Чехословакии может быть лишь ЦК КПЧ» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 118]. Мостовенко понимал, что неосведомленность Москвы о положении дел в коммунистическом движении Чехословакии объясняется тем, что центр получает одностороннюю информацию от заинтересованных лиц [5. П. 274. Д. 53929. Л. 119]. В телеграмме Чичерину от 10 августа он настаивал на своем срочном приезде в Москву [5. П. 274. Д. 53932. Л. 211].

Вопрос об одностороннем информировании центра был поднят Мостовенко в письме наркому от 25 августа в связи тем, что ему вручили для передачи письма, адресованные вновь избранным члену президиума Исполкома Коминтерна Б. Куну и секретарю ИККИ М. Ракоши. Ознакомившись с их содержанием, Мостовенко обратил внимание наркома на письмо к Ракоши, в котором имелся лист на немецком языке. В письме говорилось о «сведении на нет левой линии, победе течения Шмералья» и о солидарности с ним советской миссии. Мостовенко недоумевал, из каких источников автор письма почерпнул сведения о последнем факте. Б. Шмераль, М. Ванек и Я. Гандлирж поддерживали контакт с советским представителем, а единомышленников автора письма, несмотря на весьма энергичные попытки, ему не удалось установить. «Я отлично учитываю особенности, т.н. тактики Шмералья, равно как и мешанство здешней организации вообще. Ни мало не склонен солидаризироваться с ними, — писал Мостовенко Чичерину. — Вместе с тем, вполне определенно продолжаю стоять на невозможности бороться с этим явлением прежними методами, т.е. назначением особых уполномоченных-комиссаров с какими-либо особыми правами, вся работа которых заключается не в действительном преодолении этого мешанства, а вырождается в личную борьбу с наиболее

серьезными, популярными и отвечающими качествам самой партийной массы здешними работниками» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 7–7об.].

По мнению Мостовенко, вся переписка должна проходить через полпреда, что позволило бы «обеспечить единство информации, и приложить свою оценку к информации из других источников, поскольку она расходится с нашей» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 7].

В донесении Чичерину 29 августа Мостовенко вновь на примере письма «неизвестного товарища к Ракоши» обратил внимание на одностороннюю информацию: «Связь с Москвой очень слаба, добровольные корреспонденты обычно проявляют очень большое рвение, а кое-кто в Москве готов поверить всякой нелепице, не вдаваясь в дальнейшие обследования и подробности» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 12].

Принципиальные ошибки в организации связи и в целом работы со стороны Коминтерна, по мнению Мостовенко, создали тяжелое положение в КПЧ. Единственный выход он видел в прекращении всякой финансовой помощи и при условии, что «политическими представителями Коминтерна могут быть только ЦК местных партий». Мостовенко допускал, что Коминтерн может направлять и своих работников, но при обязательном условии работать исключительно с ведома ЦК и через него. «Это будет подлинная организация взаимной связи и взаимного осведомления и, хотя при разношерстности национальных партий аппарат Коминтерна и не будет так внешне однороден, но зато он будет больше отражать фактическое положение дел» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 13], – подчеркнул полпред.

В руководстве Коминтерна сообщения Мостовенко вызвали гневный протест. 13 августа Г.Е. Зиновьев и К.Б. Радек направили в политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором обвинили советского представителя в Праге в том, что он, поверивши Бенешу, шлет «позорнейшие телеграммы самого панического свойства». «Не имея ни малейших мандатов, вступает в переговоры с лидерами чешских ком[мунистов], вопит о мнимой деморализации этой партии, не имея понятий об этой партии. Это принесет величайший вред» [6. С. 306. Док. 85], – категорически заявили лидеры Коминтерна.

В ответ на эти обвинения Чичерин 14 августа направил в политбюро письмо, взяв под защиту Мостовенко, который в тревожных шифровках сообщил о разговорах с чехословацкими министрами и обнаружил, по его мнению, угрозу для советской республики. «Если он тревожится за безопасность советской республики, цитадели мировой революции, он обязан об этом сообщать советскому правительству» [6. С. 308. Док. 86], – считал нарком.

В.И. Ленин, ознакомившись с обоими письмами, оставил на полях сопроводительной записки секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова пометку: «По-моему, поручить Зин[овье]ву и Чичерину устраивать периодические совещания для информации и считать инцидент “закрытым”» [6. С. 307. Док. 85. Прим. 5]. Но Зиновьев раздувал межведомственный конфликт с воодушевлением не меньшим, чем пламя мировой революции. 16 августа он отправил Мостовенко письмо полное сарказма и иронии, обвиняя его в том, что он недостаточно знаком с политической обстановкой в Чехословакии, легко принимает «на веру все сообщения господина Бенеша», использует в качестве источников информации то ли его агентов, то ли какого-то «плаксивого представителя чехословацких центристов, склонных верить всякой сплетне». Зиновьев давал понять, что Мостовенко не должен вмешиваться в партийные дела в Чехословакии.

«Но надо, чтобы Вы не верили сказкам и не поддавались шантажу и не посылали бы вследствие этого столь же панических, сколь и необоснованных донесений в Москву, — наставлял Зиновьев полпреда. — Будет крайне печально, если Вы, доверившись подобным источникам, в какой-либо форме сами подержите вероятность подобных сообщений» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 27–28].

Зиновьев отверг все «безобразия», о которых Мостовенко сообщал в Москву: «Мы смеем заверить Ваших информаторов, что никакой деморализации в рядах чехословацкой партии нет, и это одна из самых крепких, чисто пролетарская по составу партия» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 27]. В завершении письма председатель ИККИ подчеркнул: «Мы не требуем от Вас и не можем требовать, в силу Вашего официального положения, содействия Коминтерну и коммунистической партии той страны, в которой Вы находитесь, но безусловно требуем — это чтобы созданием подобных легенд Вы не мешали работе Коминтерна и коммунистической партии той страны, где Вы представляете интересы советской республики» [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 28].

Письмо Зиновьева Мостовенко получил только 8 сентября и оно окончательно убедило полпреда, что его сообщения в Москву «встретили со стороны Коминтерна вполне ведомственное отношение» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40]. В тот же день Мостовенко написал Чичерину: «К сожалению, при чтении этого письма я не мог отделаться от впечатления, что Москва в этой области мирится только с информацией вполне определенного рода. Всякая другая информация вызывает только раздражение, подозрение и упреки. Между тем, я еще раз подтверждаю, что сущность того, что я писал по этому поводу остается в полной силе» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40].

По поводу требования Зиновьева, чтобы полпред своими паническими сообщениями не мешал работе Коминтерна, Мостовенко считал, что «речь идет как раз наоборот, о том, чтобы Коминтерн не мешал сам себе и нам в нашей, вполне естественной и законной, с нашей точки зрения, работе». Что же касается КПЧ, то он разделял мнение Зиновьева, что уже в недалеком будущем она действительно «обещает стать одним из серьезнейших наших оплотов в Зап[адной] Европе». «Тем более осторожно и щепетильно мы должны подходить к этой организации сейчас, когда она только складывается» [5. П. 274. Д. 53930. Л. 40об.], — отметил Мостовенко.

26 сентября Мостовенко написал заместителю наркома М.М. Литвинову: «Возмутительная бумага, полученная мною от т. Зиновьева (копия т. Чичерину) только подчеркивает болезненность вопроса и необходимость категорического разрешения его. [...] Сказки о том, что я информируюсь от Бенеша или от центристов, конечно, совершеннейший пустяк. Факты говорят за себя». Он сообщил заместителю наркома, что располагает дополнительными материалами о коминтерновских делах в Чехословакии. Осознавая всю серьезность вопроса и необходимость его «категорического разрешения», Мостовенко пытался выяснить, может ли в создавшейся ситуации он рассчитывать на поддержку Наркоминдела, и посчитал целесообразным приезд в Москву [5. П. 274. Д. 53930. Д. 77–78].

Такая необходимость действительно была, так как политбюро ЦК РКП(б) 14 сентября 1921 г. по требованию Зиновьева назначило комиссию для рассмотрения обвинений, выдвинутых Мостовенко, с обязательным вызовом его лично [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 202. Л. 4]. Кстати, через него Зиновьев вызвал предварительно в Москву лидеров левого течения в КПЧ В. Штурца и его

единомышленников, обязав Мостовенко снабдить их на дорогу деньгами [7. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 41–42].

Полпред выехал в Москву в то время, когда в Праге собрался объединительный съезд КПЧ (30 октября – 4 ноября 1921 г.), завершившийся победой левых, избранием генеральным секретарем партии одного из их лидеров Б. Илека, обвинявшего Шмерала в недостатке революционности.

2 ноября вечером Мостовенко был принят Лениным [8. С. 362]. На следующий день состоялось заседание политбюро, на котором рассматривался доклад комиссии по поводу его обвинений. Политбюро постановило, что заключение комиссии требует «дополнительного ознакомления с материалами членов политбюро» и поручило новой комиссии в составе Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого «ознакомиться с материалами комиссии, запросив, в случае необходимости, личных объяснений от тт. Ванека, Мостовенко и Ракоши», причем к работе приступить немедленно [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 225. Л. 3].

На заседании политбюро 11 ноября председатель комиссии Каменев зачитал «предварительное заключение», исходя из которого ЦК РКП (б) не возражал «против немедленной поездки т. Мостовенко в Прагу впредь до окончания решения» [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 229. Л. 1]. Однако на заседании политбюро 17 ноября Зиновьев настоял, чтобы в дополнение к этому решению была принята специальная резолюция, запрещающая Мостовенко вмешиваться во внутрипартийные дела КПЧ [7. Ф. 17. Оп. 3. Д. 231. Л. 2]. В тот же день после заседания Чичерин послал Мостовенко срочную телеграмму: «Цека поручает дать Вам директиву, чтобы на время Вашего пребывания на посту полпреда в Праге Вы ни в коем случае и ни в какой форме не вмешивались во внутрипартийные дела чехословацкой объединенной коммунистической партии. В случае же обращения к Вам той или другой группы чехословацких коммунистов или отдельных товарищей Вашим долгом является направлять обращающихся в Москву или к представителю Коминтерна в Чехословакии» [5. П. 274. Д. 53933. Л. 22].

«Дело Мостовенко» продолжало оставаться в поле зрения политбюро до начала 1922 г. Только 7 февраля Литвинов известил полпреда, что «политбюро на заседании от 12 января по вопросу, касающемуся конфликта Вашего с Коминтерном, постановило: “Считать ликвидированным”» [5. П. 275. Д. 53944. Л. 4]. Трудно определить, что сыграло решающую роль в благополучном исходе дела: личное заступничество Ленина или принципиальная позиция НКИД, или то и другое вместе. Но в донесениях в Москву Мостовенко по-прежнему продолжал информировать НКИД о положении дел в КПЧ. 27 сентября 1922 г. он не без удовлетворения сообщил, что завершившаяся накануне конференция КПЧ исключила из партии «виднейших главарей» левого течения – В. Штурца, Б. Илека, В. Болена и др. По мнению Мостовенко это решение не приведет к расколу партии, не даст «зарываться целиком во внутренние дразги», но позволит «вернуться к общеполитической работе в стране», послужит оздоровлению партии и «возможности проявить себя, наконец, как активной силе» [5. П. 275. Д. 53943. Л. 18–19].

В письме Литвинову от 12 января 1923 г. Мостовенко вновь поднял вопрос об отношениях возглавляемой им миссии с Коминтерном. Он жаловался, что миссии навязывается «передаточная роль» между Коминтерном и КПЧ, и чехословацким властям об этом известно, как «известны и люди, которым в миссии поручена эта связь», и «известны случаи, когда в миссию приезжали из Москвы представители Коминтерна» [5. П. 276. Д. 53951. Л. 28]. Мостовенко

опасался, что все это дает повод для компрометации миссии. Он просил Литвинова «по-товарищески переговорить с т. Пятницким», настаивал «на нецелесообразности и ненужности в здешней обстановке использовать миссию для нелегальных целей» и предлагал рекомендовать Коминтерну, во-первых, «наладить эту связь через Берлин, минуя нас и наших курьеров», во-вторых, «аннулировать возложение на кого-нибудь из сотрудников миссии функции этого посредничества». Мостовенко обещал, что в случае необходимости он передаст «два-три руководящих письма на имя Шмералья или Запотоцкого» без всяких посредников: «Для этого не понадобится ни особого человека, ни особых функций». Мостовенко уверял «товарищей», что чисто «политическое общение мое с коммунистическими парламентариями — куда взаимно необходимее такой почтальонской работы» [5. П. 276. Д. 53951. Л. 29].

Неизвестно, какую роль сыграла позиция Мостовенко в отношении Коминтерна в его отставке с поста полпреда в Праге месяц спустя, но его преемника К.К. Юренева Литвинов предостерегал: «Будьте осторожны в своих отзывах о работе компартии и Коминтерна и в своих разговорах с коммунистами. [...] Лучше совершенно не вмешиваться в эти дела». Он информировал нового полпреда о том, какую негативную реакцию в руководстве Коминтерна вызвали сообщения Мостовенко, чуть не попавшего под партийный суд, от которого с большим трудом его спас якобы он — Литвинов. Заместитель наркома конфиденциально просил Юренева собрать в Праге компрометирующий материал на Мостовенко, намереваясь при случае его использовать без упоминания источника. На конверте Литвинов пометил: «Лично. Никому не вскрывать» [7. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 49]. Но секретарь по недоразумению отправил письмо не Юренину, а Мостовенко. Разразился скандал. Чичерин вынужден был объяснять генеральному секретарю ЦК РКП(б) И.В. Сталину и секретарю Я.Э. Рудзутаку, что он не только не знал об этом письме, но и самым отрицательным образом относится «к подобным поступкам, которые могут только разлагать аппарат». Чичерин сообщил партийному руководству, что Мостовенко уходит из НКВД по собственному желанию, он давно к этому стремился, поскольку «приноровлен к внутренней, а не дипломатической работе, и крайне тяготился последней» [7. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2. Л. 48].

Ленин в то время был уже тяжело болен и ограничен в получении информации. Об отзыве Мостовенко из Праги, судя по сохранившимся документам, он узнал от заведующего Мосгорздравотделом В.А. Обухова, навестившего его в начале марта 1923 г. Ленин и Н.К. Крупская вспоминали о своем знакомстве с Мостовенко. Ленин попросил Обухова передать ему привет, а Крупскую — немедленно написать письмо, узнать о его работе в Чехословакии, кто его сменил на посту полпреда. Ленин проявил настолько живой интерес к делам Мостовенко, что Крупская просила последнего ответить поскорее, но не сообщать ничего волнующего, а «какие-нибудь картинки поживее, поярче, покарикатурнее» [7. Ф. 12. Оп. 2. Д. 204. Л. 8—8об.]. Ответ Мостовенко на это письмо обнаружить не удалось.

Конфликт полпреда с руководством Коминтерна свидетельствует о противоречивом характере международной политики большевиков. Мостовенко рассматривал деятельность полпредства с позиции защиты интересов советского государства и его безопасности. Поэтому и роль КПЧ он видел прежде всего в ее способности воспрепятствовать всяким явным или тайным проискам против Советской России, оказании сдерживающего влияния на чехословацкое

правительство, ставя его перед необходимостью «ужиться с нами» [5. П. 274. Д. 53929. Л. 53].

Для Коминтерна как штаба мировой революции КПЧ должна была стать боевым отрядом чехословацкого пролетариата, который «победоносно развернет знамя социальной революции рука об руку с пролетариатом остальных народов Европы» [9. С. 2624]. И для этого считались пригодными любые средства.

Мостовенко были не чужды революционные идеалы, но он считал, что необходимо, во-первых, реалистически оценивать ситуацию в коммунистическом движении Чехословакии, во-вторых, недопустимы средства, применяемые эмиссарами Коминтерна (подкуп, продвижение своих сторонников в руководство партии, дискредитация неугодных деятелей, навязывание неприемлемых решений и т.д.).

После завершения дипломатической карьеры Павел Николаевич занимался партийной, административной, хозяйственной деятельностью, был членом Северо-Западного бюро партии, заместителем председателя Ленинградского облисполкома, ректором Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана, директором Промышленной академии, членом президиума ВСНХ, председателем Высшей аттестационной комиссии Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), директором Высших академических курсов НКТП. В конце 1937 г. он был арестован по обвинению в шпионаже, 15 марта 1938 г. расстрелян, в 1955 г. реабилитирован [3. С. 60; 10].

После реабилитации о его революционной деятельности появилось несколько статей. Один из биографов П.Н. Мостовенко в то время писал: «Никогда не померкнут в памяти народной героические дела ленинской когорты борцов революции» [3. С. 59]. В художественном кинофильме о событиях Октябрьской революции в Москве «Сердце России», вышедшем на экраны в 1970 г., Мостовенко — среди главных действующих лиц. В «Большой советской энциклопедии» ему отведено около 30 строк [11. С. 58], а в «Большой российской энциклопедии» и в «Новой российской энциклопедии» места для него уже не нашлось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1.
2. *Кортаева Л.В.* Мостовенко Павел Николаевич // Революционеры Прикамья. Пермь, 1966.
3. *Калинек М.* Павел Николаевич Мостовенко // Коммунист Молдавии. 1966. № 7.
4. Герои Октября. М., 1967.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 43.
6. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.
7. Российский государственный архив социально-политической истории.
8. Ленинский сборник. М., 1980. Т. 39.
9. Коммунистический Интернационал. 1920. № 13.
10. Мостовенко Павел Николаевич // Жертвы политического террора в СССР (База данных) — Открытый лист [Электронный ресурс]: <http://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 11.02. 2020)
11. Мостовенко Павел Николаевич // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1974. Т. 17.